

Жанна д'Арк

(30 мая 1431 год, город Руан)

Холодных камней Руана
Касалась её ступня.
Входила страдалица Жанна
В развёрстую пасть огня.

Входила, оставив страхи,
Сомненья и тяжесть слов,
В холщовой, до пят, рубаше
Средь моря людских голов.

А люди смотрели молча,
По лицам струился страх.
И в душах незряче порочных
Клубился вселенский прах.

Им ведомо было мало
О тайне господних путей.
Входила страдалица Жанна
В одну из иных дверей...

Сирены

Когда утихают ветры,
Усталость туманит взгляд.
На волнах поют сирены
Который уж век подряд.

И кажутся песни чудом.
Моряк, оглянись назад,
Где годы твои под спудом
Морского царя лежат.

Так плыл Одиссей когда-то,
Своею судьбою гоним,
А парус в рваных заплатах
Казался совсем седым.

И нежно вещали сирены
О тайнах немой души.
Горячая кровь по венам
Летела в ночной тиши.

С тех пор пролетело время
И вечность явила лик.
Но чудится, чудится пенье,
И слышится птичий крик.

Понтий Пилат

Старик Пилат умоем очи,
Умоем руки. И дела
Свои оденет многоточьем,
Чтоб стала долгою молва.

Чтоб оцетинилась страница
Явленьем страшного суда,
Когда ещё живые лица
Увидят кроткого Христа.

Старик Пилат умоет очи,
Умоет руки и дела.
И побредёт сквозь дни и ночи,
Сквозь грозовые облака.

Иероним Босх

Людских страстей суровые картины,
Средневековые просится с холста.
И воды времени, свою прорвав плотину,
Текут к подножью вечного креста.

И мнится мне, что Босх недавно рядом
Жил с нами в ускоряющемся дне.
И образы свои, подняв из ада,
Он обжигал в таинственном огне.

Там на полотнах зреет сладострастье,
Там сон души, измена и вражда,
И помыслы людские тёмной масти
Над жизнью, словно вороны, кружат.

Босх наизнанку вывернул сознание,
Средневековые выплеснул в наш век.
И вот уже и в нашем мирозданье
Живёт такой же грешный человек.

Всё повторилось под рукой пророка,
Всё обрело устойчивость и вес...
Я на картинах обличителя пороков
Вдруг замечаю взгляд из-под небес.

Крит

Я на ступенях древнего театра
Сидел, как у подножия веков,
И город Кносс в моё слепое завтра
Входил под шорох призрачных шагов.

Там дух витал ушедшего величья,
Эпоха погребённая ждала,
Когда её бессмертное обличье
Уравновесят смертные дела.

А царь Минос, себя желая богом
Увидеть в отражении зеркал,
Уже мостил незримую дорогу
К порогу всех законов и начал.

И сам я был не более пылинки
У вечности голодной под пятой,
Где Ариадна, обронив слезинки,
Распоряжалась собственной судьбой.

Я на ступенях древнего театра
Сидел, как у подножия веков,
И город Кносс в моё слепое завтра
Входил под шорох призрачных шагов.

Медея

Медея, оглянись назад,
Исправить замысел не поздно,
Пока ещё не выплыл грозно
Из подземелья бледный ад.

Пока ещё коринфский царь
И дочь его беспечно живы.
Пусть даже их улыбки лживы,
Гони от сердца эту хмарь.

Ты не вернёшь любовь. Её,
Должно быть, не было и вовсе,
Ясон уже на сердце носит
Измены острое копьё.

Он разлюбил тебя давно,
Быть может, даже в то мгновенье,
Когда добыть ему руно
Ты помогла без сожаленья.

А ты гордилась той любовью,
Носила радостно её,
Как отражение своё
Мешая страсть с коварной болью.

Убьёшь соперницу. Отца
Отправишь с нею в преисподнюю.
Своих детей (как это больно)
Смахнёшь с земли, как тень с лица.

А дальше будешь жить в тоске,
Проклятье взвешивая в мыслях,
Остановись! На волоске
Твоё решение повисло.